

Он взял бутылку с опиумом и открыл крышку. К крышке была прикреплена маленькая стеклянная трубочка. Он открыл рот и поднял язык. Точно три капли под язык. Вкус был крайне неприятным. Когда он скривился и причмокнул, глаза Артура сузились. Это была улыбка другого рода, не насмешка и не презрение.

— Как можно это пить?

— Пьют не потому, что вкусно. И лучше сначала успокоить переднюю часть. Это поможет снять напряжение.

На этот раз он подумал, что за чушь. Когда он посмотрел на Артура, тот слишком откровенно переформулировал приказ:

— Обильно намажь травяным маслом обе ладони и трогай свой член. И кончи на один раз раньше.

Незаконнорожденный ублюдок, сидевший перед ним, действительно обладал огромным талантом выдавать такое, что хочется материться. Ответить что-то означало бы лишь дать предлог для того, чтобы острое дуло пистолета приблизилось ещё больше.

Он медленно поднёс руку, смоченную скользким маслом, между ног. Это было гораздо легче, чем делать то, чего никогда в жизни не делал. Он нанёс вязкое масло на ствол и медленно провёл от основания.

Когда он мазал анус, он этого не замечал, но когда масло коснулось гораздо более чувствительной поверхности пениса, что-то защекотало. Говорили, что обладает дезинфицирующим действием, видимо, из-за этого.

— У тебя были женщины? Или ты тоже без опыта?

— Конечно, были.

— Хм. Цвет такой смехотворно милый, что трудно поверить.

От новой провокации Эллиот крепко стиснул зубы. Мужественность, уже валяющаяся в унижении, была растоптана снова.

— Потому что не использовал в борделе, как ты.

— Откуда такая уверенность, что я бывал в борделе?

— Ну ты же...

— Незаконнорожденный, родившийся в борделе?

Слова, которые он не решался произнести, произнёс тот тип. Его глаза горели.

— Моя мать не из борделя. Точнее, она была из низшего класса, стиравшая бельё из борделя. Она не жила в борделе и никогда там не была.

Низкое происхождение было таким же, это звучало одинаково. Но Артур подчеркнул эту разницу.

— Когда я жил с матерью, я получал образование. Не мог платить за учёбу, быстро бросил, но

проходил два месяца. За это время выучил все буквы. Мой приёмный отец взял меня, потому что, несмотря на то что я из грязного переулка, был достаточно умён, чтобы читать.

— И что? Похвалить тебя?

Это был действительно искренний вопрос. Внезапно он с гордостью рассказывает историю детства, и он не понимал, как на это ответить.

— Заткнись. Лучше потри свой розовый член.

Мысль прикрыться рубашкой он уже оставил. Он мысленно осыпал проклятиями того типа, который недовольно хмурился. На самом деле недовольным был Эллиот.

Он соединил большой, указательный и средний пальцы и провёл по стволу. В любом случае, мастурбировать перед посторонним, да ещё и мужчиной, с которым были наихудшие отношения, было совершенно не эротично и не приятно. Но довольно толстый пучок губчатого тела постепенно реагировал на физическую стимуляцию.

— Трогать яички тоже?

— Если хочешь?

Это был саркастический тон. Но почему-то ему было не так противно. Напротив, невольно улыбнулся. Кончики пальцев онемели, а напротив, пенис в руке становился всё более возбуждённым. Мягкий стержень наполнился твёрдостью.

Шур-шур-шур.

Скорость руки, проводящей вверх-вниз, увеличилась. Уши покраснели от жара. Мягкое тепло распространилось изнутри груди, и мышцы всего тела расслабились. Даже если это мастурбация, как можно так внезапно почувствовать себя хорошо?

— Похоже, опиум действует.

Голос Артура звучал смутно. В ушах зашумело, звук дыхания отдавался прямо в мозг.

— Хаа. Фух.

Выдыхая горячее дыхание, Эллиот принял более удобную позу для мастурбации. Он опустил ягодицы чуть ниже, поставил колени выше и раздвинул бёдра шире. Рубашка мешала, задираясь, он задрал её до живота, а затем двигал обеими руками, глядя на свой пенис.

Правой рукой крепко схватив ствол и быстро двигая снизу вверх, левой он сжал яички и разминал их. Настроение резко возбудилось, острое возбуждение по позвоночнику передалось в мозг.

— Ххх, фух... ух...

Он хотел быстрее достичь кульминации, но по какой-то причине было трудно легко достичь пика. Нахмурившись, он напряг пальцы ног. Ягодицы слегка приподнялись, и пенис оказался выше головы.

Шур-шур-шур.

Обильно нанесённое масло стекло вниз, смочив яички. Каждый раз, когда левая рука сильно разминала яички, масло стекало ниже, достигая промежности.

Какую радость приносит совсем слабое ощущение капли масла. Покалывание, разжигавшее макушку, было не только сексуальным удовольствием от действия.

— Масло... масло какое-то странное...

— Покалывает? Тогда это нормально, не волнуйся. Скоро привыкнешь.

— Нет... такое...

Дыхание участилось. Он тряс так быстро, что запястья и руки болели, а пенис уже раскалился докрасна. В шторме покалывающих ощущений Эллиот двигал рукой, ища освобождения.

В момент, когда он нанёс масло на твёрдую головку пениса более яркого цвета, чем ствол, пришла жгучая боль. Ноющая боль, как при нанесении дезинфицирующего средства на царапину, стала катализатором мгновенного взрыва удовольствия.

— Ах...!

Буль.

Горячая сперма, выдавленная изнутри уретры, смочила тыльную сторону правой руки, сжимавшей ствол. Липкая слизь, как масло, текущее по промежности, из-за быстрого движения нежно поглаживала вздувшиеся вены на тыльной стороне руки.

— Фууу.

С глубоким вздохом Эллиот медленно опустил ягодицы и поясницу, поднятые в воздух. Тяжело дыша, он наслаждался послевкусием.

— Ммм?

Хотя он кончил один раз, пенис по-прежнему был живым.

— Почему... так...?

С вялым вопросом язык двигался медленно, поэтому речь замедлилась. Зрение тоже медленно вращалось. Ему было хорошо. Так хорошо, что, казалось, сойдёт с ума.

— Опиум действует слишком хорошо.

— Правда? Тогда... ещё... раз...

С улыбкой в сторону мужчины, смотревшего на него, Эллиот пошевелился, схватил бутылку с маслом и шлёпнул её на кровать. Снова щедро намазав маслом, он начал втирать его в свой здоровый пенис.

Всё замедлилось. Словно летел в небе.

У Эллиота совсем не было устойчивости к опиуму. Артур не поверит, но это был первый раз.

— Ах... хорошо... ух... ххх...

Низкий стон вскоре перешёл в возбуждённый, и Эллиот, извиваясь ягодицами и поясницей, погрузился в действие. Пока он, сплошной комок мелкого самолюбия, растрепанный, тряс ягодицами в воздух, Артур заворуженно смотрел на это зрелище.

Три раза подряд.

Всё масло со специальным стимулирующим эффектом он вылил на пенис, яички, промежность и даже анус. Пока белая холёная рука, не знавшая трудностей, проказничала, нежная кожа покраснелась.

— Из-за этого низ чешется.

Сила, с которой он сжимал яички, была устрашающей. Так он мог стать импотентом. В момент, когда он встал с места, чтобы остановить его, Артур понял. Его промежность уже вздулась и напряглась.

Чувствовать замешательство было недолго – нужно было остановить Эллиота, одурманенного тремя каплями опиума, от того, чтобы он сам себе оторвал яички.

Хлоп.

Он ударил по руке, сильно давившей на промежность.

— Это же больно.

Вопреки протесту, Эллиот, хихикая, изо всех сил надавил обеими руками на кровать, напряг пальцы ног и высоко поднял ягодицы. В странной позе он гордо показывал Артуру эрегированный ствол и ухмылялся.

— Ещё раз. Ударь ещё раз. Это приятно.

Он даже представить не мог, что под ледяной безжалостной внешностью скрываются мазохистские наклонности. Возможно, сам он этого не знает.

Артур, у которого глаза вылезли из орбит, потёр рот ладонью от шока. Не получив желаемой боли, Эллиот, покраснев в щеках, морщась, попытался нанести удар своему члену и яичкам рукой.

Прежде чем поднятая ладонь коснулась красной промежности, Артур схватил того типа за воротник и замахнулся кулаком.

Бах!

Одним ударом Эллиот потерял сознание. Вытянутые конечности слегка задрожали, а затем с длинным вздохом обмякли.

Тело, покрытое холодным потом, медленно возвращалось к прежнему цвету. Глядя на кожу, необычайно белую для мужчины, и относительно покрасневшие пенис и яички, Артур почувствовал боль в промежности.

Нет, это была не просто иллюзия, а настоящая боль. Сцена мастурбации, свидетелем которой стал Артур, была чрезвычайно шокирующей и чрезвычайно развратной. Не выдержав покалывающего ощущения, Артур коснулся пояса своих брюк.

Когда он расстегнул пуговицы на брюках, эрегированный член вырвался наружу. Больше и темнее, чем у Эллиота, со вздувшимися узловатыми венами, член уже источал жидкую смазку. Он размазал её по стволу и быстро потёр.

Низкий стон прокатился в горле. Поставив одно колено на кровать и упираясь одной рукой рядом с гладкой лодыжкой потерявшего сознание Эллиота, другой рукой он быстро проводил по стволу. Вскоре с восторгом пришла кульминация.

Пшш.

Густая сперма брызнула в направлении, куда был направлен конец члена. Липкая слизистая масса медленно стекала по направлению к покрасневшей внутренней стороне раздвинутых бёдер Эллиота. Это было настолько непристойно и возбуждающе, что рот пересох.

Он чуть не коснулся рукой его бедра.

Как раз кожа промежности Эллиота, которую грубо истязали маслом с сильным эффектом, начала вздуваться, словно от болезни. Если оставить так, будет настоящая беда. И нужно было вытереть свою сперму.

Артур поправил брюки, а затем сам приготовил чистую воду и мягкое полотенце.

— Ххх... ууух...

Даже в обмороке от боли, каждый раз, когда влажное полотенце касалось кожи, Эллиот стонал. Низкие звуки царапали напряжённые нервы Артура. Если бы не терпение, накопленное через бесчисленные испытания после изгнания из дома приёмного отца, он, возможно, снова засунул бы вздувшийся член в пересохшую дырку Эллиота.

— Вот чёрт.

Он просто хотел безжалостно сломать этот надменный нос Эллиота. Хотел, чтобы Эллиот Дейл с подобострастной улыбкой проявлял к нему должную симпатию и продолжал унижительное общение. Но Артур не предвидел, что дойдёт до этого.

— Эллиот. Ты всегда удивляешь меня.

Артур не был настолько простым, чтобы легко поддаться телесной реакции или жалкой жалости. Но больше не следовало загонять Эллиота. Если от шока он прикусит язык и умрёт, всё, ради чего загнал его сюда, может оказаться напрасным. Спокойно. Чтобы постепенно высвободить гнев, который до сих пор сдерживал, и весь вылить на Эллиота Дейла. Не спеша.

Было ощущение дежавю. Времена, когда жил в Найтстоне. Похоже на то время, когда он ругался, что если унаследует поместье, выгонит только Эллиота, чтобы тот никогда не встретился с сестрой. Это было очень похоже на чувство того момента, когда Эллиот Дейл, не обращая внимания на явную разницу в телосложении, огрызался, а потом вдруг широко открыл глаза, и со слезами на глазах заикался.

"Это... это нельзя".

Лёгкое замешательство, которое он тогда почувствовал, и превосходящий его в несколько раз восторг, преодолев время, снова овладели Артуром.

<http://bllate.org/book/15148/1570492>